

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СВЕРСТНИК

...НА ЭСКОРИАЛ спу- скался ночь. Уже давно за- хлопнул свои тяжелые ре- зные двери известный на весь мир монастырь—дворец Фи- липпа II, укатили в Мадрид последние, самые неугомон- ные туристы, чтобы наавтра в окружении полчищ своих со- братьев вновь ринуться на штурм достопримечательно- стей. С гор потянуло холо- дом. Но хотя в ультрамарино- вом небе уже зажглись звез- ды, жизнь палаточного город- ка, что раскинулся в пред- горьях Сьерра-де-Гвадаррама, только-только набирала обо- роты. Здесь расположился международный лагерь, органи- зованный прогрессивной молодежью Испании. Ежевеч- нерный концерт был в самом разгаре: могучие колонки исто- ргали немыслимый рев, соли- стикой вился по сцене, а ударник от азарта даже под- прыгивал на своей табуретке. Играла испанская рок-группа, по непонятным причинам на- званная «Аэрофлот». Но вот распаренные «аэрофлотчи- ки» уступили место борода- тому органисту, следом за которым на сцену поднялась Ракель.

Как описать на бумаге музы- ку? Как рассказать о песне? Могучие звуки элктрооргана уларились о горные склоны и обрушились на долину, а след- ом за ними в ночное прозрач- ное небо взлетел голос — такой же сильный и нежный. Он то опускался до шепота, то взры- вался настоящим фейерверком, был попеременно то низким, с хрипотцой, то звонким и чи- стым, словно голос ребенка. И невозможно было поверить, что такой насад звуков исхо- дил из груди слабой, похонной на подростка девушки, стояв- шей на залитой светом сцене. Ракель не просто пела — она жила. Куда девались ее угловат- ь и неуверенности! Ноты, которые поначалу она держала в руках, рассыпались по сцене, глаза ее горели, она то плакала, то бунтовала.

Содрогнись, палач!
Ты так же ненавистен
и ужасен,
Как и мифическая фурия,
Подобная той, что ты
породил.
С тобой исчезнет голод,
который ты посеял,
Закончатся войны,
И из оружия,
захваченного в боях,
Народ сделает плуги.
Человек, открой глаза,
И узнай о себе правду!
Солнце, красное и вечное!
Озари и согрей мой
любимый народ!

МЫ ПРИМОСТИЛИСЬ на иезиенском бортике пла- вательного бассейна, усыпан- ного мертвыми листьями. За- думчиво глядя на них, Ра- кель негромким голосом рас- сказывала историю своей жизни. Недолгой — 28 лет, но полной одиночества и метаний.

Она родилась и выросла в Мадриде, в его известном рай- оне Вальекас, который просла- вился еще во времена граж- данской войны. В те дни, когда Мадрид грудью встал перед фа- шизмом, этот район сопротив- лялся дольше всех. Сейчас он считается «модным», и живет здесь рабочая аристократия, однако когда-то эти кварталы были беднейшими в испанской столице. В них-то, спасаясь от фашистской диктатуры, и на- шла приют семья Ракели.

Истовый республиканец, ее отец заплатил за свои взгляды дорогой ценой: начиная с 18 лет он провел не один год в застенках франкизма. Но не отступил. И хотя он был всего лишь мелким ремесленником, ему удалось внушить своим де- тям правильный взгляд на ве- щь.

— В семье нас было шесте- ро — четверо братьев и две сестры. Братья рвались к зна- ниям, и им удалось окончить университеты. Но для женщ- ин в Испании науки закры- ты, поэтому мое образование сейчас — не лучше, чем у лю- бого из наших рабочих,— Ракель виновато разводила руками, и мне вновь чудится, что она в чем-то провини- лась.— Я училась в бесплат- ных, самых бедных школах, и мне было очень трудно в этих благотворительных заведе- ниях — в первую очередь из-за моего строптивого ха- рактера.

В 15 лет я убежала из до- ма. Тогда это было массовым явлением, попыткой протеста против старших. Даже кино и ТВ пропагандировали та- кую форму жизни. Только сейчас я понимаю, что они наускивали одно поколение на другое, а тогда я не могла разобраться в этих вещах. Что взять с девчонки! И я с головой окунулась в эту жизнь. Подобно всей испан- ской молодежи, я пережила период непонимания и разры- ва с родителями, испытала на себе все прелести амери- канской «культуры»: хиппи, наркотики... Нет, я не стала наркоманкой, но речь ведь сейчас не о том.

Девушка пела всю свою жизнь. Обладая прекрасным го- лосом и слухом, она уже в сем- яднейшем возрасте могла полностью повторить песню, прослушав ее всего один раз. Еще тогда она решила стать певицей.

— Я мечтала об этом с дет- ских лет, но такие мечты редко осуществляются в нашей стране. Мир искусства — со- вершенно гнилой, и если ты хочешь чего-то достичь, ты должен пройти столько филь- тров, что это становится поч- ти невозможным. Все здесь

живется на проституции и наркомании.

Ракель познакомилась с те- атральным миром еще в четыр- надцать лет. Именно тогда она начала выступать с рок-группа- ми из своего квартала, стала петь в колледжах и на семей- ных вечерах. Она была еще совсем девчонкой, но пригла- шали ее с удовольствием. А потом в Мадриде появилась мода на мюзиклы, пришедшая из Америки и Англии. Ракели улыбнулась удача: запись, ко- торую она сделала дома и по- слала на радио, услышали из- вестные рок-певцы Мигель Риос и Терри Баутиста. Позво- нив по телефону, они пригла- сили девушку на показ. С этого момента Ракель вошла в мир так называемого «коммерческо- го спентанля».

— В первый раз я вышла на профессиональную сцену в спектакле, который назы- вался «Шоу рока и ужаса» и

должны не бояться и сделать шаг вперед. Ведь должен же быть кто-то, кто постоянно будоражит совесть людей, не дает их сознанию спать!

Ракель пришла в молодую Коммунистическую партию на- родов Испании сразу же после ее создания. Каждую неделю в районный комитет, где работа- ла Ракель, поступали огромные и тяжелые ящики с материала- ми, которые нужно было рас- пространять. И девушка в оди- ночку затаскивала их на трет- ьей этаж, распановывала, сор- тировала.

Целый год Ракель делала эту тяжелую работу, а потом ее попросили помочь газете Ком- партии «Нуэво румбо», и она перешла в крохотное редакци- онное помещение на улице Ин- фанте. Денег не было, людей не хащало, на счету был каждый человек. В газете Ракели дове- рили архив. Сорос пухлых то- мов получило у девушки после того, как она разобрала —

РАКЕЛЬ ИЗ КВАРТАЛА ВАЛЬЕКАС

Сначала я увидел ее рекламную фотографию. Однако оказа- лось, что в жизни Ракель Бланко совсем другая — углова- тая, за толстыми стеклами очков растерянно жоргают гла- за. Она напоминает молоденькую школьную учительницу или скорее ученицу, которая не выучила заданный урок. Когда Ракель говорит, то кажется, будто она в чем-то изви- няется. И ни за что не подумаешь, что перед тобой — настоя- щий борец.

был поставлен одновременно в Нью-Йорке, Лондоне, Пари- же и Мадриде. Это была по- месь мифа с фантастикой — а вообще-то чушь: выбирать мне не приходилось.

После этого мне стали да- вать работу. Так, в течение года я выступала с Рафаэ- лом, два года — в Италии и Америке — с Мигелем Босе и целый год я пела с Мигелем Риосом. Однако солисткой я стать так и не смогла. Я по- нимала, что мои способно- сти гораздо выше тех возмож- ностей, которые мне предло- жают, но, увы... В нашей стране, если ты говоришь о своей принадлежности к ком- мунистам, тебя тут же вы- брасывают за борт. Есть, правда, исключения — наши замечательные танцоры Ан- тонио Галес и Кепа Флорес, но их — единицы. А я — член Коммунистической партии народов Испании и не скрываю этого. Но дело, конечно, еще и в том, что я — такая, какая есть. Не могу приспособливаться, согла- шаться. Не умею. Не хочу. Да даже, если бы я молчала, мне вряд ли удалось бы прожить- ся наверх.

Народ, мой любимый народ!
Тебя унижали, расстреливали.
Над твоей мечтой,
над твоей горой глумились,
У тебя крали душу, воду
и мир.

Но ты проснешься
И достигнешь солнца!
Всегда в единстве с тобой,
По одной дороге с тобой,
Я буду бороться за тебя,
за твой мой народ!

Эти стихи, прекрасно звуча- щие на испанском, принадле- жат самой Ракели, но, конечно, не за это горютили шоу- бизнеса приемыли платить деньги.

— Сейчас мы переживаем особый момент. Певцы, вы- ступавшие еще во времена Франко, говорят, что с при- ходом демократии уже нет смысла и необходимости сое- динять политику и песню. Я не согласна с этим. Пусть после падения франкизма что- то улучшилось, но в других областях положение обостри- лось. Сейчас мы идем не вперед, а назад. Экономический кризис привел к чудовищной безработице, условия жизни становятся все хуже. У наше- го поколения будущего просто нет. Пустота. Об этом надо говорить, надо искать причины, порождающие эту бессмыслицу, эту несправед- ливость, надо, наконец, боро- ться против этой духовной нищеты.

Таким образом, народ все больше погружается в неве- жество и становится поэтому все более беззащитным. Стран- на деградирует, ее засасыва- ет чудовищная трясина нар- комании и разврата, общест- венное сознание все больше правее. Будущим поколениям грозит опасность оказате- ся захлестнутыми аморально- стью, духовной низостью и извращенностью чувств.

Что же нужно в такой си- туации, чтобы не стать ди- карями? Нужно контра- ступление настоящей культу- ры на этот бедлам. И я не верю, чтобы в Испании не на- шлось людей, которые смогли бы продолжить традицию политической песни. Они есть наверняка — среди поэтов, сре- ди людей искусства, которые в своем творчестве затрагивают социальные темы. Они просто

по годам, по месяцам, по дням! — материаль, копившие- ся с 1960 года. Она сшивала их толстой иглой и суровой ниткой до тех пор, пока у нее не начинали нететь руки. По- мимо этого, у нее была и уйма других обязанностей: она та- ссала гранни, бежала в типогра- фию со статьями, редактирова- ла материалы.

— Ты зарабатывала там что- нибудь?

— Нет, я не получала ни одной песеты.

— А на что же ты жила?

— Я пела. Пабс, ча-ча-ча, болеро... Я выступала в ре- сторанах, барах, кабаре. А сейчас мне предложили по- ехать с группой латиноамери- канских музыкантов: Ка- нарские острова, Кувейт, еще какие-то страны. Но, если я уеду на полгода, я потеряю здесь работу, обрублю все концы. А с другой стороны, работа у меня тут — случай- ная, я уже три года живу на бутербродах. Вот я и муча- юсь: поеду туда — утрачу все, что имею здесь, останусь в Мадриде — потеряю выгод- ный контракт.

— У тебя есть муж?

— Нет, я одинока.

— А дети?

— Нет-нет, у меня нет ни- кого.

— Я хотел бы задать тебе во- прос не очень простой: что означает для тебя счастье?

— Счастье... Это очень сложно. Я убеждена, что мы живем всего один раз, и по- этому искать его нужно здесь, на земле. Я вот чув- ствую себя хорошо, если могу бороться. Да, пожалуй, так: счастье — это бороться и добиться успеха, сделав так, чтобы всем было так же хорошо, как и тебе. Только тогда, когда счастье будет распределено равномерно ме- жду всеми, мы сможем жить так, как этого заслуживает человек.

И еще, счастье для меня в том, чтобы рядом со мной жили и действовали люди, разделяющие мои убеждения. Но очень часто, оглядываясь по сторонам, я вижу вокруг себя пустоту. Ах, как хоте- лось бы мне найти человека, на плечо которого я могла бы крепко опереться — друга, хорошего настоящего друга, который не подвел бы нико- гда. Вот это и было бы сча- стьем!

Наша беседа закончилась на слове «счастье», но глаза де- вушки были грустны. Отреше- но смотрела она вперед, теребя в руках засохшую ветку, а я силился что-то понять. С три- бун и из книжек я привык узнавать, что только тот не один, когда он отдаст все свои силы борьбе. И вот сей- час передо мной сидел чело- век, в котором пыл настоящего борца уживается с ужасным одиночеством. Кто виноват в этом: общество, что делает ставку на разобщение людей, а может быть, ее ершистый, не- доверчивый характер? Этого я не знал, но ясно видел одно: она горит, она сражается... и остается одна. Одна на целом свете.

Солнце, красное и вечное!
Озари и согрей мой любимый народ!

Ты проснешься
И достигнешь солнца!
Я буду бороться за тебя,
за твой мой народ!

ДА, ОНА БУДЕТ бо- роться, будет драться до кон- ца. Но улыбнется ли солнце ей самой, этой хрупкой де- вушке из квартала Вальекас?

А. НОВИКОВ.
(Наш спец. корр.)
Эскориал — Мадрид — Москва.